

УДК 94 (575.2)

ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ КЫРГЫЗОВ В 1916 г.

Т.А. Абдырахманов

Раскрыты причины восстания кыргызов в 1916 г.

Ключевые слова: восстание; Первая мировая война; царизм; мобилизация; Туркестан.

REASONS OF REVOLT OF THE KYRGYZ PEOPLE IN 1916

T.A. Abdyrakhmanov

It is described the reasons of revolt of the Kyrgyz people in 1916.

Keywords: revolt; World War I; tsarism; mobilization; Turkestan.

Трагедия восстания 1916 г. до сих пор вызывает неоднозначную реакцию общества, чему способствует отсутствие четко обозначенных и обоснованных точек зрения на причины восстания, его ход и последствия. Прежде всего, мы должны отметить, что как любое массовое проявление народного недовольства, восстание 1916 года было вызвано множеством причин. Первая мировая война и царский указ от 25 июня 1916 г. о призыве коренного населения Туркестана на тыловые работы сыграли лишь роль катализатора, усугубив и обострив политическую ситуацию в регионе.

По своему характеру движение было антиколониальным и антифеодальным, народно-освободительным. Восстание в Кыргызстане началось неожиданно как для царской администрации, так и для части местной родоплеменной верхушки.

Несомненно, основные причины восстания – усиление колониального гнета, изъятие земель, увеличение налогов и поборов, рост эксплуатации трудящихся феодально-байской верхушкой. Не случайно свою главную задачу в Кыргызстане российские власти видели в упрочении “русской государственности на началах самодержавной власти”.

Будучи неоднородным, движение в Кыргызстане в большинстве районов носило народно-освободительный характер и было направлено против российского административного аппарата и представителей туземной администрации. В большинстве районов края руководство восстанием осуществляли феодальные и клерикальные элементы. В отдельных местах выступления были направлены не только против властей, но “и рус-

ского населения вообще”. Такого рода выступления наблюдались в Семиреченской, Акмолинской и других областях. Есть основание полагать, что известную роль в разжигании антирусских настроений сыграли воззвания “из Кульджи, по видимому, германского происхождения” [1, с. 42]. Как сообщал и.д. окружного генерал-квартирмейстера подполковник Маккаев: “По имеющимся сведениям причины выступления киргиз Семиреченской области кроются в посылке из Китая агитаторов из числа русских подданных киргиз, обещавших поддержку Китая, где немецкое влияние тоже сильно. Имелось предположение, что киргизы Семиреченской области должны овладеть Оренбургской железнодорожной линией, сибирские киргизы прервать сообщение на Сибирской железной дороге, афганцы и турки действовать в Закаспийской области, прервать сообщение с Каспийским морем. Таким образом, русские в Туркестане были бы предоставлены сами себе и в конечном результате достались бы в добычу сартам и киргизам” [2, л. 461].

В целом же восстание в Кыргызстане в 1916 г. носило антиколониальный и антифеодальный характер, основной движущей силой были трудящиеся массы аила. В “Журнале военных действий карательной экспедиции генерала Лаврентьева” зафиксировано, что “огромное число мятежников состоит из беднейшего класса киргизов”, что “преданными правительству остались лишь привилегированные классы – богачи” [3, с. 168]. О том же писал в своем рапорте Пржевальский уездный начальник: “Брожение в уезде среди киргизского населения не прекращается, в особенности на-

строение у молодежи призывного возраста сильно приподнятое. В настоящее время творят самоуправные деяния большею частью по отношению к своим одноаульцам – влиятельным и богатым лицам, выражающиеся в самовольном отобрании у них всякого скота...” [3, с. 226]. Родовая верхушка неоднократно обращалась к царским властям с просьбой о направлении войск для подавления восстания. Ее представители разъезжали по аулам с целью воздействовать на людей и уговорить их, чтобы они “не собирались в скопища, беспрекословно подчинялись высочайшему указу о привлечении к военным работам...” [3, с. 227].

В восстании принимали участие и местные рабочие, батраки, ремесленники. Из-за своей малочисленности и недостаточной организованности кыргызские рабочие не смогли возглавить национально-освободительную борьбу народа и внести организованность в стихийные выступления кочевых масс.

В процессе развертывания восстания ясно обозначилась расстановка классовых сил в кыргызском аиле. Феодално-патриархальная верхушка выступила заодно с властями, используя для этого трибуну Государственной думы (через мусульманскую фракцию), а также печатные материалы.

Военный губернатор Семиреченской области в отчете указывал, что «причины недовольства кочевников остаются в точности еще не выясненными, но, несомненно, одной из главных явилась широкая колонизация Семиречья русским элементом, повлекшая за собою стеснения прежнего обилия земли и воды. Особенно остро складывалось недовольство киргиз новоселами там, где сами кочевники исподволь приобрели некоторые признаки оседлости, но где, тем не менее, “самовольцы” старались устроиться, привлекаемые качествами почвы и относительным обилием полива... 1915 г., принесший русскому оружию известные неудачи на западном фронте, повидимому возымел некоторое влияние и в Семиречье.

Повторные наборы ратников и новобранцев, вывод войск из области и тому подобные явления, как можно полагать, породили среди киргиз мысль, что враги России очень сильны. К тому прибавилось известное “тыловое” утомление, несомненно ощутительное у киргиз, лично не принимавших участие в войне и не заинтересованных кровью и жизнью в ее исходе.

Были и другие причины, вызвавшие брожение среди туземцев и в числе их на первом месте стоит агитация, во-первых, некоторые элементы из соседнего Кульджинского района, а во-вторых, и агентов Германии, но положительные данные по этому вопросу не могут быть приведены с доста-

точной полностью. Фактически установлено, однако, что наиболее организованный мятеж вспыхнул там, где кульджинские и кашгарские выходцы имели более тесные отношения с русскими туземцами, а именно на Каркаринской ярмарке, в гор. Пржевальске и в торговом местечке Токмак. Здесь же наиболее крепка связь семиреченских туземцев с мусульманами коренных областей Туркестана, влияние которых на первых сыграло, без сомнения, также не малую роль, особенно после беспорядков в Ташкенте, Джизаке и иных очагах июльских возстаний... Ближайшим же поводом к возникновению беспорядков послужило неправильно понятое распоряжение и призыве туземцев на работы в тылу армии.

Распоряжение это, объявленное в Семиречье 1 июля отчетного года, застало всю область врасплох. Неподготовленные к новости туземцы сильно растерялись и приуныли. Разъяснения администрации сознательно или безсознательно, но плохо понимались. Ложное убеждение, что рабочие будут направлены на самый фронт, на линию окопов, привилось в степи настолько быстро и настолько крепко, что о решительном воздействии на умы кочевников некоторое время не могло быть и речи. Необъяснимая паника охватила все уезды. Одни волости пытались с места броситься в Китай, другие ... со стадами и всем своим добром забегали в трудно доступные ущелья гор... Этим моментом воспользовались некоторые влиятельные туземцы, которых вынесла наверх волна общего расстройства. Решивши, быть может, что Россия ослаблена войною, что Семиречье обездолено охраной и настало время использовать наступившую разруху для уничтожения русской власти в крае и на руинах последней создать новое киргизское ханство, – они, очертя голову, подняли восстание.

Молва указывает, что решимость главарей созрела и окрепла неожиданно быстро потому, что в их заблуждениях их поддержали чьи-то прокламации, гласившие о слабости России, о непобедимости Германии и о близком вторжении в Русский Туркестан китайцев. Официально молва эта не подтверждается, но что германские агенты питали некоторые надежды на туркестанских инородцев, то об этом имеются достоверные указания в сообщениях наших консулов из Кашгара и Кульджи. Имеются также указания на причастность к беспорядкам в Семиречье китайских анархистов, проникших сюда в числе других выходцев из Кульджинского района, привлеченных опиумным делом» [4, л. 2–5].

Основной вывод, который красной нитью проходит через всю историю восстания, – кыргызский народ, как и народы Средней Азии, боролся

не против русского народа. Он поднялся на борьбу во имя свободы против царизма, империалистической буржуазии и их прислужников – феодально-патриархальной верхушки.

Восстание в Кыргызстане, как и в Средней Азии, началось вскоре после опубликования царского указа от 25 июня 1916 г., который послужил поводом к выступлению против национально-колониального режима [3, с. 121].

В условиях трудностей военного времени, самостоятельным потоком стало национально-освободительное движение на национальных окраинах. В Киргизии назревал кризис, который стал частью общероссийского кризиса и национально-освободительного движения против мировой колониальной системы.

Первая мировая война обострила все противоречия, накопившиеся в экономической и политической жизни края. Продолжение переселенческой политики, конфискация скота, имущества кочевников на военные нужды послужили причиной мощного восстания летом 1916 г. Ситуация на фронтах требовала новых ресурсов, как человеческих так и материальных. Нехватка рабочей силы обусловила кризис во многих отраслях хозяйства.

Пострадала за годы войны и экономика Кыргызстана, был введен специальный военный налог. Продолжались злоупотребления во всех звеньях колониального аппарата. Кроме прямых и косвенных налогов собирались различные “пожертвования”, в счет которых у кочевников отбирали скот и юрты. За три года войны из Туркестанского края было вывезено 70 тыс. голов лошадей, 12,7 тыс. верблюдов, более 13 тыс. юрт.

Все это обусловило широкий масштаб восстания по всему Среднеазиатскому региону: выступления против мобилизации прошли в Ташкенте, Коканде, Андижане, Намангане и других городах Ферганской долины. В Ташкенте возглавили движение рабочие Ю. Ибрагимов и Р. Икрамов. По агентурным данным, в Кокандском уезде “в доме Канибаданского народного судьи Мулла-Тюря-Хан-Ходжа-Ишан-Дамулла-Саид-Усман-Ходжа-Ишанова происходили собрания по поводу осуществления набора туземцев в рабочие команды. При этом народный судья и местный имам объяснили собравшимся, что по шариату мусульманам никоим образом нельзя исполнить этого требования правительства, так как в шариате сказано, что кто пойдет в названные рабочие команды тот делается кафиром (неверным) и его потомки до седьмого колена будут мучиться в аду. В заключение было решено распространить среди населения слухи об оказании сопротивления при призыве рабочих” [5, л. 318]. Наибольший размах

восстание получило в Казахстане, особенно в Тургайской области. Во главе него стали А. Иманов и А. Джангильдин. По официальным данным, в июле в Самаркандской области произошло 25 выступлений, в Сырдарьинской – 20 и в Ферганской – 86 [3, с. 48].

Помимо перечисленных социально-экономических предпосылок главными причинами восстания с позиции современности видятся следующие: немногочисленная часть туркестанского общества из числа коренного населения была задействована в политической жизни края и принятии управленческих решений. Ее можно обозначить термином “интеллектуальная элита”. Она испытала на себе наибольшее влияние русской (европейской) культуры и социально-правовой мысли, а также передовых реформаторских течений исламского мира. При этом она чувствовала себя ущемленной, что позволяло конфликтным ситуациям сохранять свою устойчивость в реалиях туркестанской действительности.

Накануне восстания 1916 г. в Туркестане не было представлено ни одной политической партии из числа коренного населения и отражавшей его интересы, а значит, способной возглавить восстание.

В начале XX в. край был далек от окончательной интеграции в общеимперское здание России. Очевидно, что острота этноконфессиональных вопросов на национальных окраинах России существовала в той мере, в какой наблюдалась интеграция с империей в целом. Туркестан стал примером последнего “имперского приобретения”, наименее интегрированного с метрополией.

Говоря о степени интеграции Туркестана, следует различать интеграцию края в государственную систему Российской империи и интеграцию переселенцев в местную среду. И тот, и другой вид интеграции требует значительного времени.

Подход к внедрению в крае русского элемента со стороны правительства был односторонним и очень кратким по времени. Он не мог оказаться прочным в политическом плане, а в экономическом – не принес значительных дивидендов, поскольку проводился планомерно всего десятилетие. Кампания по переселению была мощнейшим раздражителем для местного населения, в первую очередь, для региональной элиты.

Правительственная линия на поддержание переселенцев и создание для них условий наибольшего благоприятствования (предоставление различных льгот, выдача ссуд, освобождение от несения воинской повинности и уплаты налогов и податей и т.д.) привела к негативным последствиям.

Определенные ограничения (особая система управления и административной подчиненности,

“особые правила” вместо общеимперских законов) не позволяли развиваться процессу интеграции, а низкая степень интеграции привела к мнению о том, что коренное население Туркестана “не прониклось до конца идеей имперского общежития, а потому его права и даже обязанности, например, несение воинской повинности, стоит ограничивать и регулировать способами отличными, к примеру, от Архангельской, Московской или Курской губерний, механизмами” [3, с. 368].

В целом же следует отметить, что власть пыталась найти ответы на вопросы нового времени, прибегая к старым способам решения проблем, но устаревшие механизмы руководства многонациональной империей “все чаще давали сбой или работали не вполне эффективно”.

Литература

1. Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. Т. 34.
2. Донесение и. д. окружного генерал-квартирмейстера подполковника Маккавеева военному губернатору Семиреченской области Фольбауму. 9 октября 1916 г. № 3333/1791. Г. Ташкент // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2422.
3. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960.
4. Всеподданейший отчет военного губернатора Семиреченской области военному министру. Верный. 4 марта 1917 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4526.
5. Представление военному губернатору Ферганской области от начальника Туркестанского военного охранного отделения полковника Волкова. 27 июля 1916 г. // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2422.